

Вырезка из газеты
ВЕЧЕРНИЙ
ЛЕНИНГРАД

21 СЕН 1985

г. Ленинград

з. 1324

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

Капризы любви

На сцене Большого концертного зала «Октябрьский» начались спектакли Московского театра оперетты. Гастроли столичных гостей продлятся до 25 сентября. Ленинградцы смогут познакомиться с тремя работами: опереттой Ф. Зуппе «Прекрасная Галатея», представленной на музыку И. Штрауса «Да здравствует вальс», произведением А. Крамера «Катрин».

Гастрольные выступления открыла «Прекрасная Галатея». Это одно из ранних сочинений родоначальника австрийской оперетты Франца Зуппе. Оно поставлено в нашей стране впервые и по праву вызывает интерес любителей веселого жанра.

Детище Зуппе появилось на свет в 60-е годы прошлого века, когда в Австрии еще властвовал король французской оперетты Жак Оффенбах. Венские премьеры его творений проходили парадельно, а то и раньше парижских. И нет ничего удивительного в том, что первые опыты австрийской оперетты испытывали на себе влияния основоположника и первого классика жанра. Вот и «Прекрасная Галатея» прилежно

восприняла уроки законодателя опереточной моды. А в моде тогда были... мифы. Мифы переименованные, переосмысленные — развенчанные... Так и у Зуппе история любви скульптора Пигмаллона к творению своих рук статуе Галатее предстала отнюдь не в возвышенном виде. Ожившая Галатея оказалась женщиной капризной, взбалмошной и ветреной. Бедному влюбленному ваятелю ничего не оставалось, как призвать на помощь могущественного Зевса и вернуть это «распоясавшееся» существо на место — на пьедестал...

Текст спектакля, поставленного режиссером М. Рапопортом, модернизировали, как часто бывает с переводными опереттами (автор новой версии

А. Меньшиков). Здесь герои спяют цитатами из классиков: «О божеество, о вдохновенье» — почти пушкинскими строками выражает свое восхищение скульптурой меценат Мидас. Подмастерье Ганимед в своих куплетах вспоминает чуть ли не всю мировую литературу — «полцарства за коня», «быть или не быть», «не любя себя в искусстве». Мол, все уже было до нас... древних греков... Словом, в спектакле господствует ирония. Актеры с удовольствием обыгрывают реплики аппарата: «Мастро, пожалуйста», — обращается к дирижеру В. Горелику от имени незадачливого и сонливого Ганимеда В. Мишле. Благодарит массовку за помощь раскованно ведущий роль Мидаса Ю. Веденев. Не забывая кокетничать с публикой, ведет свои любовные интриги престельная Галатея — С. Варгузова... Пародия на бессмысленное оперное пение, шаржированные жесты, позы, танцевальные па, утрированный «греческий» грим, костюмы

— туники-юбочки на мужчинах — все на службе иронии и пародии.

Но о чем же спектакль? О любви — говорят нам в звучащем на увертюре «слово от театра». О любви прекрасной и вечной, переживающей тысячелетия, — поют нам в финале. А в самом спектакле — спичение, развенчание, ирония. Пигмаллон (В. Николаев) здесь — не герой, не гениальный художник, а комический персонаж. В спектакле нет места долгим лирическим излияниям, любовным страданиям, возвышенным чувствам. Нет, да и не должно быть, да и не надо. Так велят законы жанра. Драматизация — прерогатива поздней венской оперетты, с этим мы встречаемся в произведениях Легара и Кальмана.

Мастера Московской оперетты рассказали нам в «Прекрасной Галатее» о капризах любви, игре любви, иронии любви — так воспринимается спектакль. И не проигрывает благодаря «чистоте жанра». А пояснения «от театра», уводящие в сторону от смысла представления, пожалуй, излишни.

Е. ТРЕТЬЯКОВА